УДК 323

Голобородько А.Ю.

«Человеческое измерение» государственной культурной политики в системе национальной безопасности

В статье представлено обоснование авторской позиции, в соответствии с которой в качестве релевантного контента государственной культурной политики в системе национальной безопасности рассматривается изучение вопросов развития человеческого потенциала; в рамках позиционируемой гипотезы государственная культурная политика в целевых контурах повышения качества человека выступает фактором гармонизации общественной и политической жизни, условием социального развития и предпосылкой системной модернизации страны.

Ключевые слова: развитие человеческого потенциала, государственная культурная политика, национальная безопасность.

Среди наиболее ярких и очевидных тенденций сегодняшнего, безусловно, противоречивого, этапа развития мирового сообщества, специалистами выделяется феномен «изменчивости»; ср. меткую характеристику профессора И.Л. Андреева, отмечающего, что «… неизменными сегодня становятся сами изменения, носящие все более глубокий и тревожно непредсказуемый характер» [1, с. 95].

Не требует дополнительной аргументации тезис о том, что в эпоху «текучей модернити» (по терминологии З. Баумана) получает развитие и практическое подтверждение положение, при котором «изменение – единственная неизменность, а неопределенность – единственная определенность» [2, с. 81]. Ряд исследователей, в рамках анализа и выявления трендов эпохи неоглобализма, отмечают, что в нынешних условиях время становится нелинейным – оно ускоряется и тоже неравномерно, рывками… (ср.: «социальное время в эпоху информатизации и глобализации сжалось неимоверно» [3, с. 90]). Изменения социальных структур резко ускоряются и становятся трудно предсказуемыми – они утрачивают устойчивую логику и рациональное целеполагание, из-за чего образ даже ближайшего будущего становится неопределенным. Люди живут, как кочевники, и не строят длительных жизненных планов. Это порождает аномию – разрыв человеческих связей и утрату чувства взаимной ответственности. Начинается эпоха «слабых связей». Жизненный путь личности вырван из «цепи времен» и почти не связан с преемственностью поколений» [4, с. 27].

Учёные, исследующие современный мир в контурах глобализации, противоречивы в оценке перспектив мирового развития. Прямо или косвенно признается, что, так как мы находимся далеко от общества «всеобщего бла-

годенствия», конечный экономический разрыв между «золотым миллиардом» и остальным миром усугубляется; и Россия в этом пространстве рискует закрепиться в статусе мировой периферии (ср. [5, с. 179]).

Что может противопоставить Россия вызовам времени, на каких релевантных основаниях может строиться модель стратегического развития, призванная обеспечить достижение заявленной цели широкомасштабной модернизации и инновационного технологического прогресса?

Заместитель главного ученого секретаря РАН, член президиума ЮНЦ РАН В.В. Иванов (см. [6]) совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечает: опыт стран показывает, что наиболее интенсивного развития можно добиться, если проводить политику, в основе которой лежит приоритет человеческого…; это требует формирования государственной политики инновационного типа, принципиальным отличием которой от традиционной инновационной политики является переход от безудержного потребления и создания инноваций в интересах бизнеса к политике повышения качества жизни, развития человеческого потенциала на основе достижений науки.

Именно поэтому безусловную актуальность применительно к России как государству-цивилизации (считаем подобную номинацию оправданной, справедливой и исторически обусловленной) приобретает необходимость поиска новой формулы человеческого общежития – альтернативной сосредоточенности на экономическом росте как на единственном лекарстве от всех социальных недугов.

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020» (документе, имеющем при очевидной небесспорности ряда посылов, по нашему мнению, серьёзные основания позиционироваться в качестве доктринально оформленного и гносеологически значимого смыслового конструкта) отмечается, что системная модернизация страны, результатом которой должны стать существенное повышение качества жизни населения и обретение Россией статуса мировой державы, самым тесным образом связана с решением задач, напрямую относящихся к сфере культуры (см. [7]).

Решение этих задач может, по нашему мнению, конкретизироваться разработкой и реализацией инструментария, призванного обеспечить оптимизацию возможностей использования потенциала культуры как фактора гармонизации общественной и политической жизни, условия социального развития.

«Культуроустремленные» механизмы консолидации общества и оптимизации пространства межличностных коммуникаций, ориентированные, в рамках позиционируемой гипотезы, в том числе на возрождение межпоколенческих связей, восстановление отношений преемственности в «цепи времён», могут быть институционально оформлены в виде особой когнитивной и технологической платформы – государственной культурной политики.

Государственная культурная политика изучается нами как фактор развития человеческого потенциала и повышения качества человека, ресурс

противодействия вызовам и угрозам национальной безопасности в современных условиях и предпосылка системной качественной модернизации страны.

И действительно: одним из базовых факторов успешности «движения страны» в сторону достижения стратегической цели широкомасштабной модернизации является осознание однозначности и бесспорности того, что единственной возможностью для этого может выступить включение дополнительных, выходящих за рамки экономического измерения, ресурсов. Речь, очевидно, идет о создании условий для возрождения и преумножения духовных традиций народа, переориентации получивших развитие в последнее время ценностно-мотивационных установок в «материально-потребительских координатах» посредством возрождения преданных, в значительной степени, забвению морально-этических и культурно-творческих ориентиров жизнедеятельности (ср. [8, с. 86]).

Вопросы стратегического развития страны гораздо шире собственно экономического пространства реализации: «…менее всего, – писал Н.А. Бердяев, – экономика может создать нового человека. Экономика относится к средствам, а не целям жизни. И когда её делают целью жизни, то происходит деградация человека» [9, с. 648]. В современной России, как представляется, и произошла эта подмена: экономика перестала быть средством и стала целью, вызвав тем самым спрогнозированный одним из крупнейших российских мыслителей эффект снижения духовных и нравственных ценностей в континууме жизненных установок, поступков и поведенческих актов человека.

Разрабатываемая нами точка зрения заключается в том, что государственная культурная политика в системе национальной безопасности России обусловлена потребностями и характером провозглашенной социальной и политической модернизации. При этом в качестве базовой теоретической посылки выступает позиция, заключающееся в том, что при разработке культурной политики в контексте обеспечения национальной безопасности ведущую роль должны играть ориентиры на сохранение целостного культурного пространства страны, активизацию элементов гражданского общества и духовно-интеллектуального потенциала культуры России.

Именно в гуманитарной сфере общества, в решении задачи развития человеческого потенциала, повышения уровня нравственности, преумножения духовных традиций, расширения культурного пространства и создании возможностей для активного использования в экономической, политической, социальной, образовательной и других сферах культурного потенциала народа, лежит ключ как к обеспечению национальной безопасности современной России (ср. [10, с. 46]), так и, по нашему мнению, достижению целей системной модернизации. Наша позиция, очевидно, коррелирует с точкой зрения Ю.Г. Волкова, отмечающего в контурах размышлений о поиске оптимального пути (проекта) стратегического развития страны, что «…если считать экономику не ограничением, а реализацией творческой природы человека, его инновационного потенциала, если не видеть в социальной сфере только функциональную взаимосвязь, а сеть социальных коммуникаций, если обра-

щаться к культуре как мере человеческого в человеке…, то такой проект может быть гуманизацией российского общества» [5, с. 182-183].

Для гуманизма высшей целью является развитие человека…

«Человек – мера всех вещей», «построить модель экономики без модели человека невозможно», «модернизация экономики станет реальностью только при условии модернизации сознания» – эти и многие другие широкоизвестные формулы могут и должны, по нашему мнению, «обрести дыхание» в наши дни, во втором десятилетии XXI-го века – в эпоху, одной из очевидных тенденций которой становится феномен «сосуществования» различных моделей, комплементарности и взаимозависимости используемых теорий, практик и технологий организации современного устройства стран и мира в целом.

Для сегодняшней России, переживающей сложный переходный период своего развития, особую актуальность приобретает цель возрождения традиционных социокультурных образов и духовно-нравственных основ, в разное время служивших смысловыми скрепами народного единства, фактором развития пассионарности (в её понимании как «общего психологического тонуса») народа России… фундаментом для строительства ценностей и ориентиров, исторически определявших уникальность, устойчивость и успешность существования России как государства-цивилизации и способствовавших укреплению национальной безопасности страны.

Каковы в этой связи могут быть шаги, механизмы, инструменты, использование которых будет способствовать, посредством оптимизации условий для аккумулирования потенциала культуры в политике и управленческой практике, расширению возможностей развития человеческого потенциала, строительства нравственных и духовных ценностей и ориентиров как стратегических основ жизнедеятельности человека.

Выделим, в качестве возможных теоретических и практических шагов, предлагаемых рядом современных исследователей и разделяемых нами, в частности, следующие:

– активная пропаганда гуманистического мировоззрения, культуры и воспитания (В.В. Цыганов);

– разработка ряда стратегически важных, доктринального порядка, документов (Д.Ш. Халидов): доктрины информационно-культурной безопасности современной России, дополненной геополитической доктриной и доктриной национальной безопасности России; Федерального Закона «СМИ и национальная безопасность»: очевидно, что в век «обилия информации» (которое, как показывает реальность, зачастую её и обесценивает) представляется очень важным «информационно-ориентированный» аспект нормо/законотворчества в области организационно-управленческого обеспечения реализации государственной культурной политики как фактора национальной безопасности;

– разработка и активное внедрение в практику средней и высшей школы образовательных программ и просветительских курсов по проблема-

тике государственных ценностей, государственно-информационной политики (С.С. Сулакшин, С.Г. Кара-Мурза и др.), политики и морали (Л.Н. Тимофеева) и др.

В усиление указанной позиции относительно необходимости реализации, в рамках поиска возможностей повышения эффективности государственной культурной политики, комплекса действий, направленных на развитие сущностных, естественных с точки зрения самой природы человека, качеств и ценностей человеческого присутствия в мире, представляется уместным, обратившись к творческому наследию ряда ведущих отечественных и зарубежных учёных в области психологии, отметить, что «… Смысловая архитектоника внутреннего мира человека позволяет не только смыслообразно строить свои отношения с миром, но и всякий раз преодолевать ограничения собственного «Я», выходя в социальное и духовное измерения; социальный и духовный миры в той же степени являются необходимыми фрагментами целостного мира, в котором познает и действует человек, как и физическая среда, окружающая его» [11, с. 109]. При этом «любое психическое образование… является не результатом пассивного зеркального отражения предметов и их свойств, а результатом отражения, включенного в действенное, активное отношение субъекта к этим предметам и их свойствам…» [12, с. 474].

«Психологический» аспект рассуждений относительно природы присутствия в сознании человека – субъекта познания – модели мира как образа бытия, на наш взгляд, оправдан в рамках настоящей работы с точки зрения эксплицирования и обоснования выдвинутой нами гипотезы о важности и востребованности использования ресурсов культуры как смыслоориентированного пространства человеческой жизнедеятельности в государственном управлении, одним из предназначений и результирующим эффектом которого, очевидно, является обеспечение национальной безопасности. К тому же значительная роль в нашем исследовательском конструкте отводится набирающей вес в современной политологии позиции, в соответствии с которой в начале XXI-го века констатируется новый тип гуманитарной инноватики, базирующейся на когнитивной матрице, которая аппелирует к категориям «смысл», «понимание», «интерпретация» и др. (ср. [13, с. 36]).

Предположим в этой связи (разделяя мнение С.Г. Кара-Мурза о том, что созданные в культуре и внедренные в сознание человека образы (в частности, добра и зла) должны постоянно «возделываться» из сырья объективной реальности инструментами государственного участия [14, с. 6]), что одним из основных инструментов государственной культурной политики должна стать системная информационно-просветительская работа, культурно-историческое просвещение населения в части пропаганды нравственных, духовных ценностей. Человек с юных лет должен получать возможность познавать эти ценности, причём не только познавать, но и делать свое понимание (= осознание) их достоянием собственного психического опыта, своей смыслоориентированной деятельности, маркером своего присутствия в мире.

На основе вышесказанного целесообразным представляется отметить, что наш исследовательский конструкт изучения государственной культурной политики в системе национальной безопасности, получая очевидное «человеческое» (как пространства смыслов) преломление, позволяет констатировать достаточно высокую степень релевантности рассмотрения успешности государственной культурной политики, реализуемой в рамках деятельности институтов государственного управления, и достижения стратегической цели повышения «качества человека» – гражданина России – как её главного адресата; или, в психолого-когнитивной терминологии – эмпирического субъекта, строящего на протяжении всей своей жизни при помощи сознания свою теорию – картину мира, свой образ бытия.

В свою очередь полагаем, что вопрос оценки качества человека как показателя и результирующей государственной культурной политики, и в содержательном плане, и «по линии» выделения критериев эффективности, естественным образом коррелирует с наполнением его (человека) жизнедеятельности смыслами духовно-нравственного ориентирования, с «расширением пространства добра», осуществляемого человеком (см., например, у Н.К. Рериха: «Культура есть утверждение добра во всей его действенности» (цит. по [15, с. 31]), что есть не что иное, как расширение пространства культуры как тотальности (по терминологии Ю.А. Жданова) человеческой деятельности (ведь «Мир культуры – мир целостности, охватывающий все стороны деятельности, в этом смысле культура представляет собой тотальность деятельности, интегративную и интегрирующую её сторону» [там же]).

Кроме того, одним из сущностных признаков культуры является её преемственность: без преемственности, эстафетной передачи содеянного от поколения к поколению, опоры новых поколений на фундамент, построенный их предшественниками… бессодержательным и пустым является представление о развитии и прогрессе (ср. [15, с. 412]). В этой связи именно механизмы культурной политики могут, думается, обеспечить возможность постепенного преодоления и разрыва «гордиева узла» проблем, вызванных выдвижением в авангард современных процессов общественного устройства негативных трендов, одним из проявлений которых выступает вышеобозначенный феномен «аномии».

В завершение подчеркнем, что изучение вопросов «человеческого» измерения государственной культурной политики как фактора обеспечения национальной безопасности представляется нам целесообразным и релевантным, что может, в частности, быть эксплицировано следующими причинами: во-первых, пониманием того факта, что именно на человека как действующего субъекта и смысловую модель мира ориентирован наш поиск продуктивного инструментария государственной культурной политики; во-вторых, необходимостью определения, в рамках конструкта и применяемой методологии исследования, базовых результирующих ориентиров, одним из которых снова выступает, очевидно, – объект (адресат, реципиент) самого политического воздействия; в-третьих, попыткой продвижения, сколь бы смело это ни

звучало, на пути к обнаружению ответа на один из фундаментальных вопросов политики: что есть человек?

Позиционируемое в работе понимание смысла человеческой деятельности как расширение пространства культуры (осознающейся нами как тотальность человеческого бытия), представленный, в формате ряда предложений по реализации некоторых практически ориентированных действий, инструментарий культурно-исторического просвещения, обеспечения культурно-информационной безопасности и др., может, на наш взгляд, выступить предпосылкой возрождения в российском обществе ценностей духовности, нравственности в их «способности быть выше своего собственного материального и иного удовольствия, быть в интересах других», что, в конечном итоге, обеспечит развитие многообразия смыслового присутствия человека в обществе, стимулирует в нем созидательное творческое начало.

«Человеческое» измерение государственной культурной политики как фактора обеспечения национальной безопасности России в методологическом, технологическом и результирующем аспектах должно, на наш взгляд, предусматривать цель повышения «качества человека» как гражданина-патриота своей страны, его развитие как творческой смыслоориентированной личности в рамках общества, его следование нравственным ориентирам в пространстве многообразной деятельности: «перед каждым человеком стоит задача – быть человеком – сегодня, завтра, всегда… из этого и складывается история» – писал в своём удивительно мощном по силе культурно-просветительского, мировоззренческого и гносеологического воздействия романе «Плаха» гениальный Ч. Айтматов…

Ведь прежде всего важно то, что происходит в мире, который ты построил внутри себя… и если в этом, каждый раз заново выстраиваемом мире налажено производство смыслов, восполняется понимание, значит, ты находишься в потоке жизни…(ср. [11, с. 330]).

Литература

1. *Андреев И.Л.* Современные представления о сознании человека и человечества // Современное представление о человеческом сознании. Материалы науч. семинара. Вып. 4. М.: Научный эксперт, 2012. С. 7-95.

2. *Бауман З.* Междувластие: Зигмунт Бауман беседует с Винченцо Делла Сала // Россия в глобальной политике. http://www.globalaffairs.ru /number/Mezhduvlastie-15784.

3. *Халидов Д.Ш.* Неадекватность системы управления в России // Государственная политика и управление современной России… Материалы науч. семинара. Вып. 1 (48). М.: Научный эксперт, 2012. С. 81-90.

4. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. М.: Научный эксперт, 2012.

5. *Волков Ю.Г.* Гуманистическая идеология и формирование российской идентичности. М.: Социально-гуманитарные знания, 2006.

6. *Иванов В.В.* Имитация и инсценировка как признаки современности // Академия. 2013. № 3.

7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] // Сайт Президента РФ. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/2009/05/13/.

8. *Багдасарян В.Э.* Цивилизационно-ценностные ресурсы экономической стратегии // Стратегия России 2020. Особое мнение. Материалы круглого стола. М. Научный эксперт, 2011. С. 86-91.

9. *Борохов Э. В.* Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). М., 1999.

10. *Колин К.К.* Духовная культура общества как фактор обеспечения национальной безопасности // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 3. С. 46-58.

11. *Агафонов А.Ю.* Человек как смысловая модель мира: Пролегомены к психологической теории смысла. Самара, 2000.

12. *Зинченко П.И.* Непроизвольное запоминание и деятельность // Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М., 1998. С. 474.

13. *Старостин А.М.* Философия социально-гуманитарных инноваций. Ростов н/Д.: ЮРИФ РАНХиГС, 2012.

14. *Кара-Мурза С.Г.* Государственная политика в духовной сфере: задачи и провалы // Государственная политика и управление современной России… Материалы науч. семинара. Вып. 2 (49). М.: Науч. эксперт, 2012. С. 6-9.

15. *Жданов Ю.А.* Проблемы теории и истории культуры / В кн.: Жданов Ю.А., Давидович В.Е. Сущность культуры. Изд. 2-е, перераб. / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Наука-пресс, 2005.

УДК 32.01

Уварова Г.Г.

Политические механизмы парирования рискогенных экологических факторов в контексте политической науки

В статье анализируются различные аспекты и взаимосвязи с направлениями политологических исследований, показывая сложность и многоаспектность экологических проблем и рискогенных факторов, а также их значение для современной политики и политической науки.

Ключевые слова: экология, политика, политические механизмы, риск, политическая наука.

В настоящее время имеются основания с большой уверенностью утверждать, что современная политическая наука является достаточно сложной по своей внутренней структуре и затрагивает различные сферы, в которых в современной человеческой цивилизации проявляются различные политические факторы и процессы. В этом ключе исследование экологии в проблемном поле политической науки обусловливается зависимостью функционирования человеческой цивилизации от природных факторов[1].

Существенно детерминирует политические рискогенные факторы и механизмы их эффективного и своевременного парирования недостаточная компетентность политических лидеров, которая является одним из основных направлений политологического анализа. На первый взгляд кажется, что чем более знающим, опытным и профессионально подготовленным будет военно-политический деятель, тем вернее будет принятое им решение. Однако на